

Е. К. Столярова, К. И. Панченко

Стеклянный сосуд XVII века стиля *façon de Venice* из Дмитровского кремля

В 2002 г. во время охранных археологических работ на территории кремля г. Дмитрова, проводившихся Подмосковной экспедицией ИА РАН (руководитель – А. В. Энговатова), было найдено семь стеклянных фрагментов, принадлежащих одному сосуду¹. Шесть из них являлись частями тулова, на одном из которых имелся грубо прикрепленный вгорячую небольшой граненый отросток, в поперечном сечении имеющий форму неправильного прямоугольника. Седьмой представлял собой фрагмент дна с кольцевидным рифленным поддоном и частью тулова (рис. 1а; 1б см. цв. вкл.).

Осколки сосуда были обнаружены в яме 3 на раскопе 17, который располагался у восточного края Дмитровского городища (кремля) к северо-востоку от здания Дворянского собрания (рис. 2). Яма 3 прослеживалась в профиле с отметки -235 см (уровень горизонта III). В плане следы этого объекта не были выявлены и фиксировались только как скопление битого кирпича, костей животных и артефактов. Это скопление являлось верхним горизонтом заполнения ямы. На уровне материка яма приобрела более четкие границы, окончательно оформившиеся после ее выборки (рис. 3). Яма 3 являлась подпольем несохранившейся наземной постройки, имела почти прямоугольные очертания в плане и уходила в восточный борт раскопа. Ее стенки были ориентированы по сторонам света. Полностью в раскопе зафиксирована только ее западная стенка длиной 4,5 м, к которой в центральной части примыкала яма 4.

Заполнение ямы 3 почти однородно и состояло из серой супеси, содержащей битый кирпич, небольшие камни, включения угольков (рис. 4). В восточ-

ной половине ямы отмечены прослойки светло-серой супеси с песком и угольками. Несмотря на отсутствие четкой визуальной границы между верхним и нижним заполнением ямы, она выявлялась по характеру залегания артефактов и бытового мусора. Верхний горизонт заполнения ямы отличался прежде всего повышенной концентрацией битого кирпича и наличием костей животных, в нижней части кости животных не отмечены.

Верхний горизонт по залеганию индивидуальных находок и керамики прослеживался не глубже отметок -250 см в центре ямы и -240 см у ее краев. В верхнем горизонте ямы найдены (рис. 3; 4) скоба железная (№ 117), бусина стеклянная (№ 119), два стеклянных браслета (№ 120, 140), сковорода железная (№ 125), монета серебряная Ивана IV (№ 129), пробой железный (№ 134), подковка железная сапожная (№ 136), топор железный (№ 153) и осколки описываемого стеклянного сосуда (№ 139). В целом набор вещей и керамики из верхнего горизонта разновременный и датируется в пределах XIII – конца XVI в. В керамическом комплексе доминируют сосуды XVI в. Отложения, перекрывающие заполнение ямы 3, относятся к периоду XVIII – начала XIX в. Таким образом, формирование верхнего горизонта ямы происходило, скорее всего, не позднее начала XVII в. (см. ниже) из грунта более ранних слоев.

Между верхним и нижним горизонтом слабо прослеживался слой (от -251 см до -277 см), не содержащий никаких артефактов за исключением мелких обломков кирпича и единичных, очень маленьких обломков керамики XV–XVI вв.

¹ Благодарим автора раскопок А. В. Энговатова за возможность публикации материала.

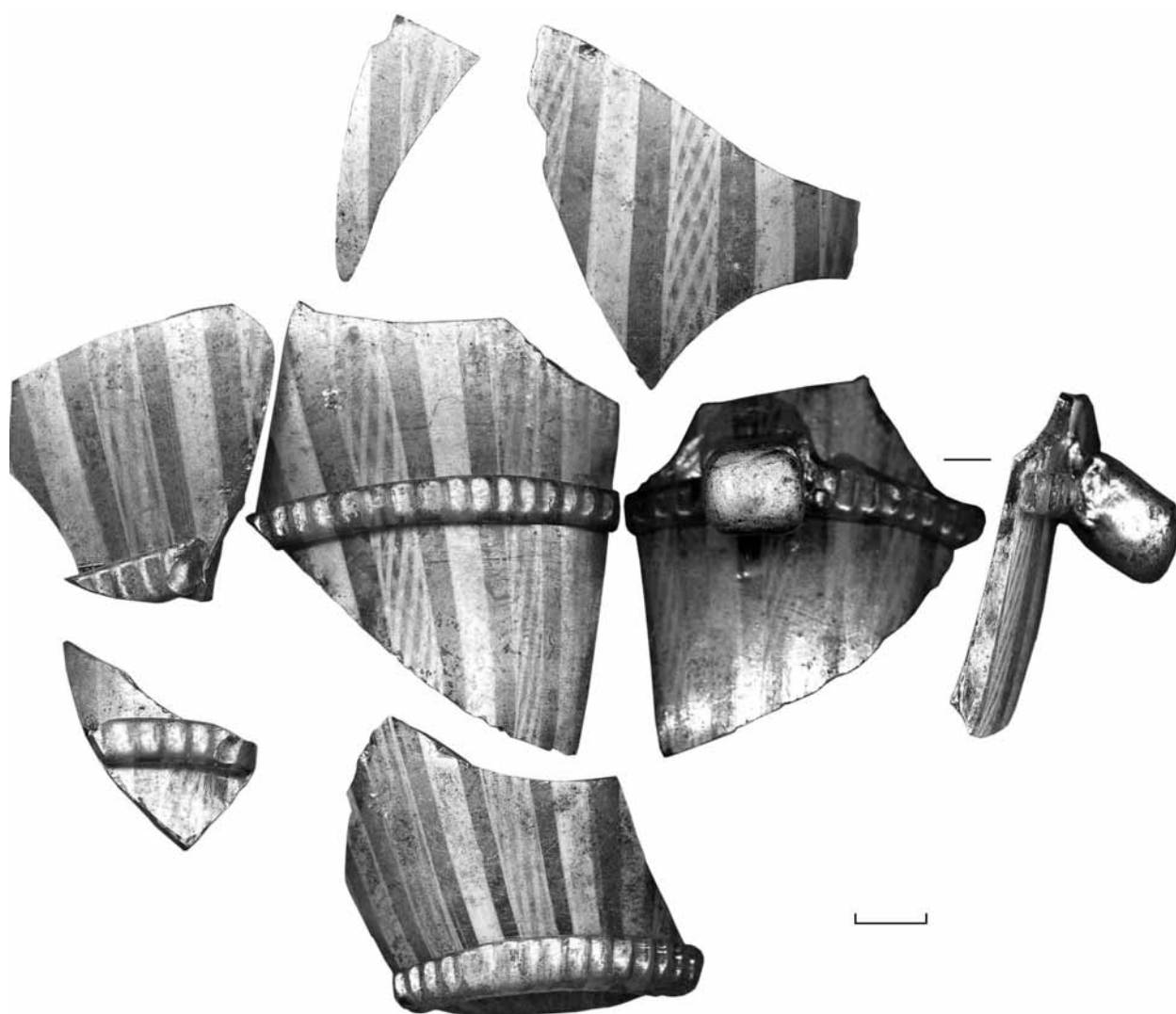

Рис. 1а. Фрагменты стеклянного сосуда из кремля г. Дмитрова (р. 17, я. 3, кв. К9, гл. -248, Г-III, № 139). Фото С.Д. Захарова. (См. цв. вкл.: рис. 1б)

Нижний горизонт заполнения ямы залегал на глубине от -278 см до -294 см (уровень дна ямы). Его отличительной особенностью было большое количество индивидуальных находок и керамики, датируемых в узких рамках середины XVI – начала XVII в. В нижнем горизонте найдены (рис. 3; 4) две серебряные монеты – солид Сигизмунда III, 1607 г., монетный двор Риги (№ 148), и копейка Ивана IV (№ 156, выброс), а также семь железных предметов: ручка (№ 144), штырь с крюком (№ 145), кольцо (№ 149), нож (№ 150), подковка сапожная (№ 151), пряжка (№ 152), скребница (№ 163).

В целом время возникновения постройки, связанной с ямой 3, с большой долей вероятности можно датировать не ранее второй полови-

ны XVI в., поскольку до середины XVI в. на этом участке кремля существовал могильник (Энговатова, Гончарова, 2002. С. 204). Находка солида Сигизмунда III в заполнении ямы 3, а также отсутствие слоя XVII в. в этой части кремля г. Дмитрова позволяет отнести дату разрушения постройки к Смутному времени.

Вернемся к фрагментам стеклянного сосуда. Первоначально предполагалось, что они были частью конического стакана на рифленом поддоне (Столярова, 2003. С. 62, 63). В Музее стекла в Льеже хранится похожий, правда, цилиндрический стакан XVII в. с ребристым поддоном и декоративными налепами в средней части тулова.

Однако тщательное изучение найденных фрагментов, их формы, кривизны, размеров, а именно

Таблица 1. Результаты эмиссионно-спектрального анализа стекла сосуда из Дмитровского кремля.

Шифр лаборат.	SiO ₂	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MnO	TiO ₂
754-51	осн.	12	5,0	11	1,4	0,6	0,09	0,3	0,03

толщины стенок, выявили противоречия выдвинутой версии. В частности, угол соединения дна и тулова говорит о чересчур большой открытости сосуда. Дно было выпуклым, на таком дне стакан не мог бы устойчиво стоять. Помимо этого кривизна одного из осколков, по толщине отнесенного к верхней части изделия, указывала на его принадлежность какому-то закрытому или полузакрытому сосуду, но никак не стакану. Непонятным было и назначение граненого отростка, прикрепленного к тулову, поскольку сосуды в форме стаканов не имели подобных элементов.

Таким образом, первоначальная версия была отвергнута, а изучение музейных собраний и публикаций стеклянных сосудов XVI–XVIII вв. привело нас к выводу, что сосуд, частью которого являлись фрагменты из Дмитровского кремля, имел форму бочонка, опирающегося на четыре ножки, одна из которых в виде упомянутого отростка и была зафиксирована (рис. 5–8).

Сосуд был изготовлен при помощи выдувания из прозрачного стекла с сине-зеленым оттенком и декорирован в технике венецианской филигранны – в виде чередующих белых сплошных и сетчатых полос. На первый взгляд кажется, что они нанесены с помощью росписи. На самом деле это стеклянные ленты, находящиеся внутри прозрачной стекломассы. Кратко суть этой техники заключается в следующем: на выдутую стеклянную заготовку-баночку накладывали предварительно изготовленные из непрозрачного стекла палочки, цвет которых – белый, красно-коричневый, желтый, сине-фиолетовый – контрастировал с бесцветным фоном самого сосуда (Лихтер, 2000. С. 191). Палочки могли быть сплошными, но зачастую их усложняли и делали сетчатыми. Баночка подвергалась обкатке до полного вдавливания палочек в стенки заготовки, в результате чего круглые палочки превращались в ленты. Затем на баночку набирали дополнительную порцию стекла такого же цвета и прозрачности, и декор оказывался между двумя слоями стекла. Изделия в подобной технике, главным образом сосуды, изготавливались

в Венеции в период с XVI по XVIII в. Кроме того, ее использовали итальянские мастера, работающие в Европе в венецианском стиле – стиле *façon de Venise*.

Помимо венецианской филигранны сосуд украшен ребристыми накладными лентами из такого же стекла, как и сам сосуд. Углубления на них нанесены с помощью прессования колесиком. Из такой же ребристой ленты выполнен поддон. Подобный декор в виде параллельных поясков, опоясывающих в нескольких местах тулово бочонка и его донца в виде поддонов, исследователи трактуют как имитацию обручей деревянных бочек, которым подражали стеклоделы, воплощая в стекле известные ранее формы (Ашарина, 1998. С. 39).

Анализ химического состава стекла сосуда показал, что оно относится к классу Na-Ca-Si и сварено на золе наземных частей растения пустынной зоны – галофита солероса (*Salicornia herbacea*) (табл. 1²). В качестве источника щелочноземельного сырья использованы доломитовые известняки. Легкоплавкие фракции соединены друг с другом по норме 1,5. На корреляционном поле результат анализа дмитровского сосуда оказывается среди других известных нам венецианских стекол XVI–XVII вв. (рис. 9). Этот факт вкупе с технологией, казалось бы, указывает на венецианское происхождение исследуемого сосуда.

Но есть особенности, которые ставят под сомнение принадлежность данного сосуда к произведениям венецианских мастеров. Это касается формы сосуда в виде бочонка и накладного декора в виде ребристых лент, которые не характерны ни для Венеции, ни для Италии в целом, но которые часто встречаются в стеклоделии Центральной и Северной Европы.

В Европе сосуды подобной формы известны начиная уже с римского периода. Самый ранний из известных нам стеклянных бочонков находится в музее Метрополитен в Нью-Йорке и датирован концом II – началом III в. н. э. Исследователи относят его к римской школе, существовавшей

² Анализ выполнен А. Н. Егорьковым в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (Санкт-Петербург).

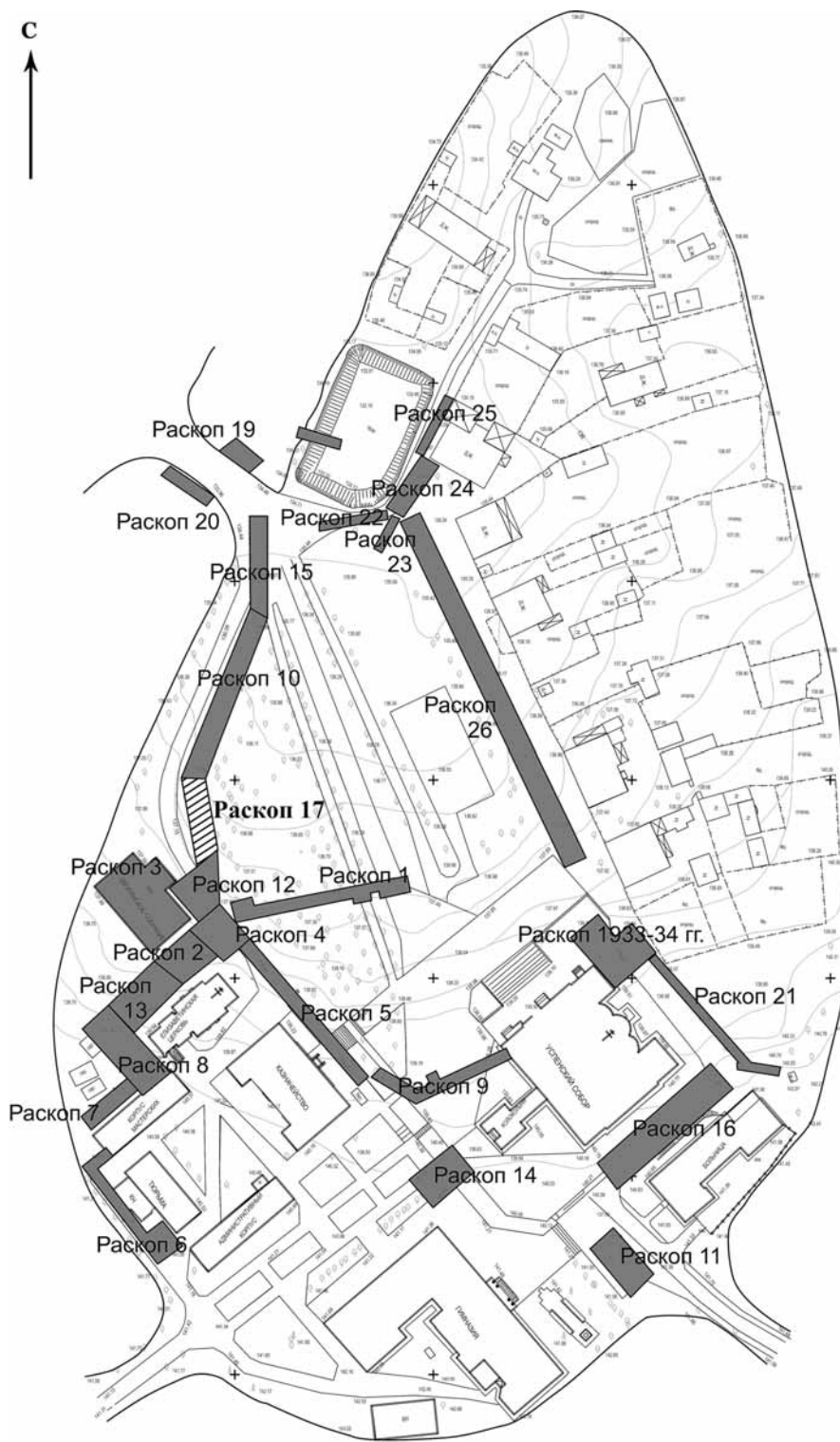

Рис. 2. Археологические раскопы на плане кремля г. Дмитрова

на территории европейских провинций. Предположительно он был сделан в мастерской Кельна, где обнаружен еще один подобный сосуд. Так же, как и наш сосуд, он декорирован накладными

украшениями. Однако, в отличие от дмитровского бочонка, они имеют вид тонких нитей, выполненных из сине-фиолетового стекла, контрастирующих с бесцветной основой сосуда, и не имеют рифления.

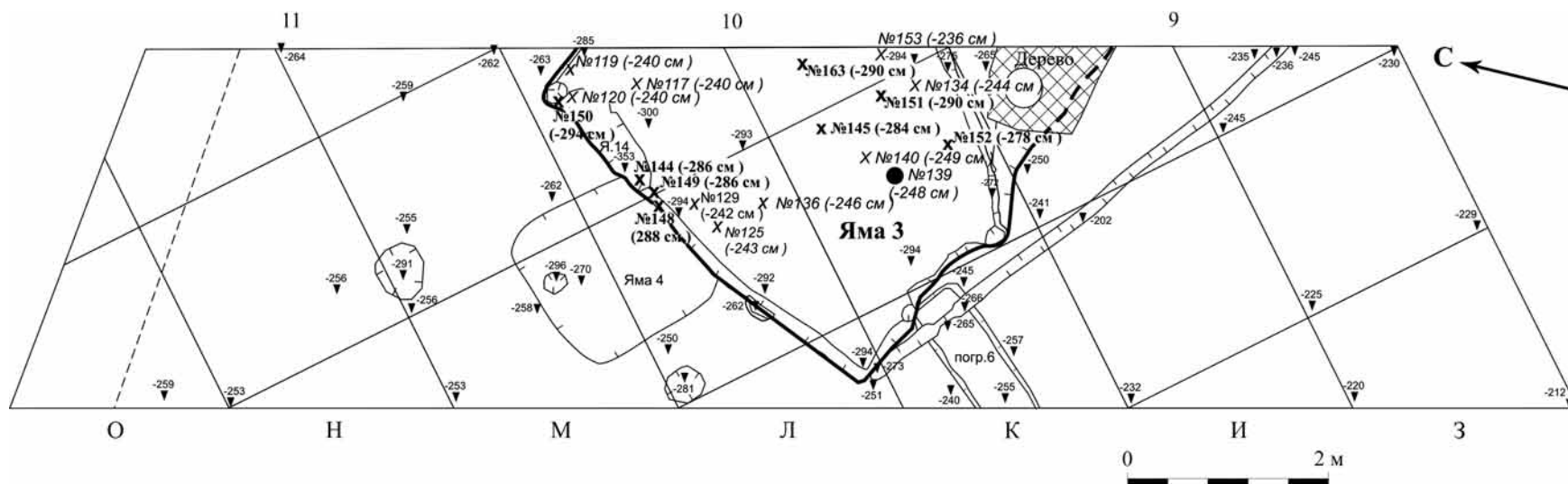

Рис. 3. Планиграфия индивидуальных находок в яме 3

x – находки из нижнего горизонта; x – находки из верхнего горизонта; № 139 – фрагменты стеклянного сосуда (отмечен точкой)

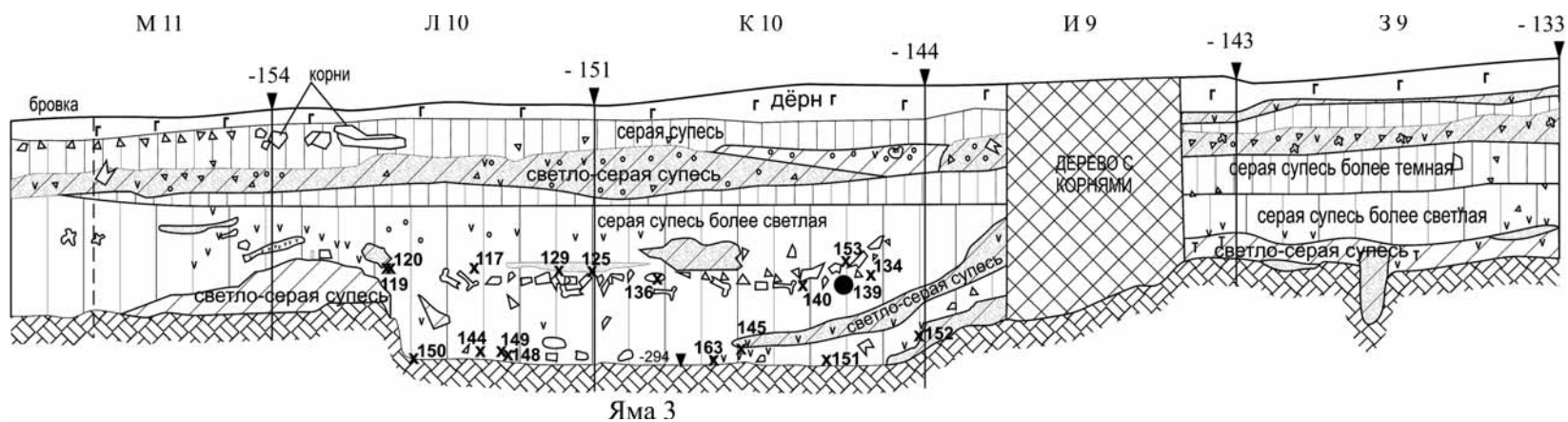

Рис. 4. Вертикальная проекция индивидуальных находок из ямы 3 в восточном профиле раскопа 17

x – находки; № 139 – фрагменты стеклянного сосуда (отмечен точкой)

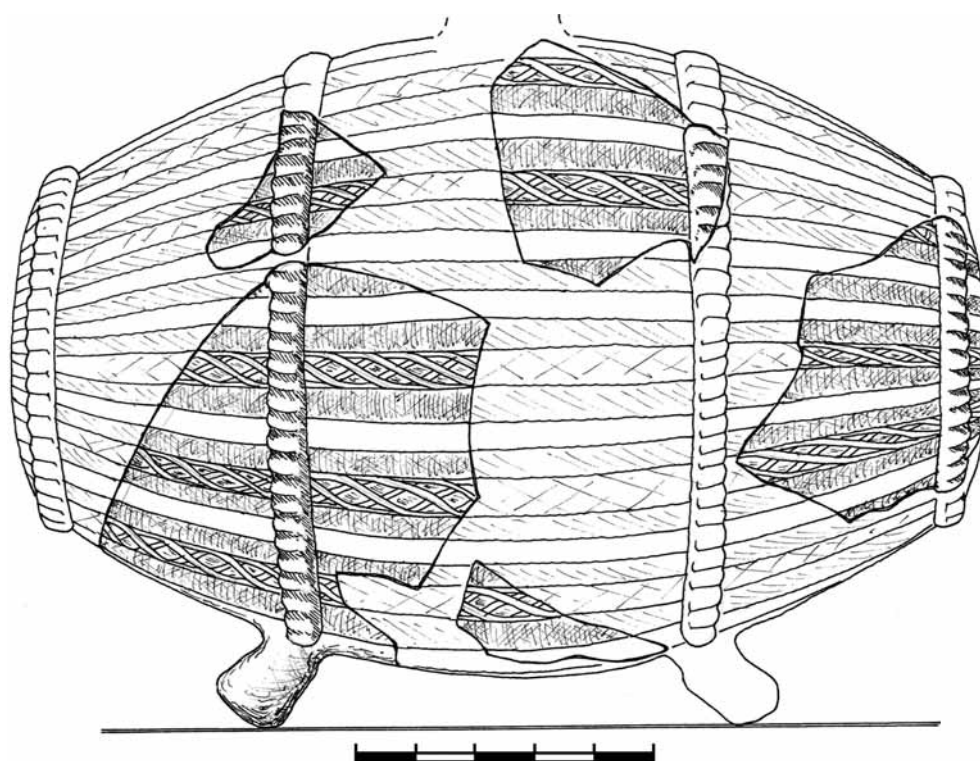

Рис. 5. Стекло́нный сосуд из кремля г. Дмитрова (графическая реконструкция). Рисунок Р. С. Казанцева

На территории Европы в римское время известны и накладные ребристые пояски. Тогда это были змеевидные стеклянные нити, наложенные на поверхность посуды: стаканов, бутылей, сосудов фигурных форм (Charleston, 1990. P. 48–49; «Five Thousand...», 2004. Fig. 104, 106). Считается, что все они были продукцией рейнских мастерских. Затем линии стали постепенно утолщаться, рифление могло наноситься от руки. Например, такой декор украшает так называемые *claw beakers* (сосуды с когтями), которые производили на Рейне во второй половине I тыс. н. э. (Mariacher, 1970. III. 44).

К эпохе позднего Средневековья относятся фрагменты бочонка, найденного при раскопках больницы в Гейдельберге в комплексе, датированном до 1500 г. и представлявшем собой выгребную яму («Vor dem grossen Brand...», 1992. P. 97. Abb. 121). Сосуд изготовлен из прозрачного стекла с зеленоватым оттенком, его опоясывают грубо выполненные ленты, цвет которых совпадает с цветом самого сосуда. На них есть рифление, нанесенное, по-видимому, от руки. Такие же накладные рифленные ленты очерчивают оба донца сосуда.

В это же время ленты со штампованными ребрами украшали и другие формы посуды, например, высокие стаканы с раздутой верхней частью тулова,

предназначенные для питья пива, так называемые *club beakers* (сосуды в форме палицы). Производили их, по мнению Х. Седлачковой, в конце XV–XVI в. в Северной Германии («Археология Романова двора...», 2009. С. 143). Так же украшали цилиндрические и конические кубки, производившиеся в XVI–XVII вв. в Германии и Нидерландах. Ленты накладывали на тулово сосуда по спирали или

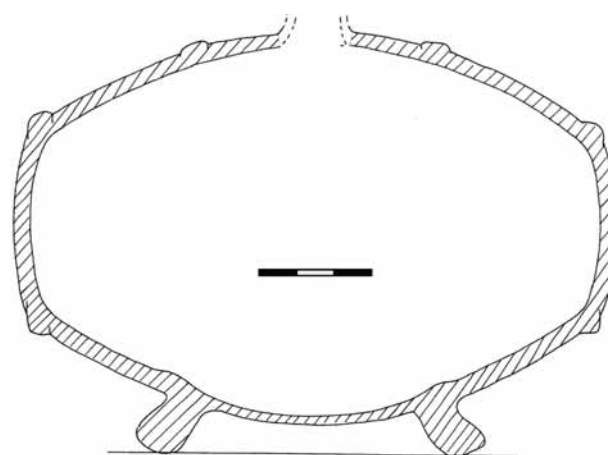

Рис. 6. Профиль стекло́нного сосуда из кремля г. Дмитрова (графическая реконструкция). Рисунок Р. С. Казанцева

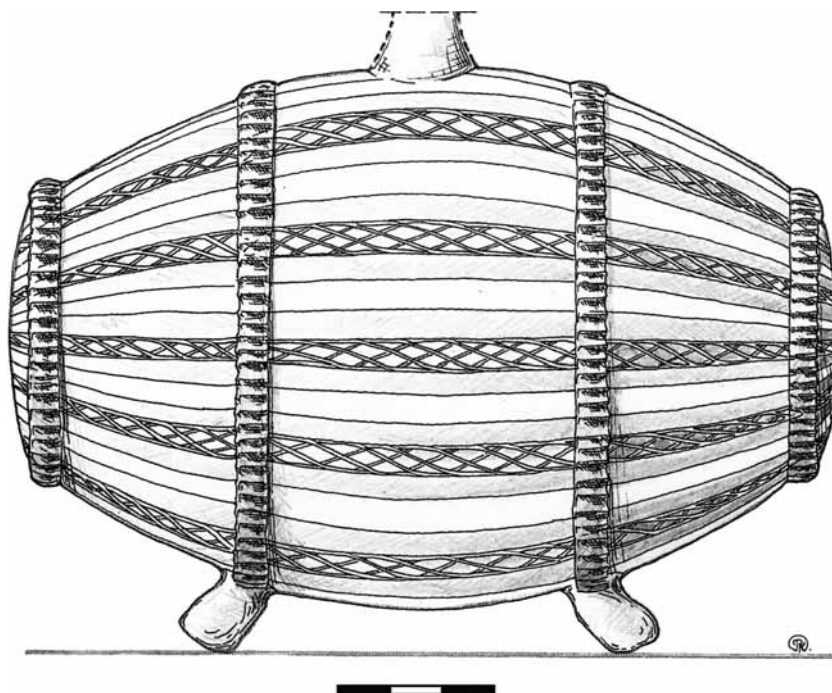

Рис. 7. Стеклоанный сосуд из кремля г. Дмитрова. Вид спереди (графическая реконструкция). Рисунок Р. С. Казанцева

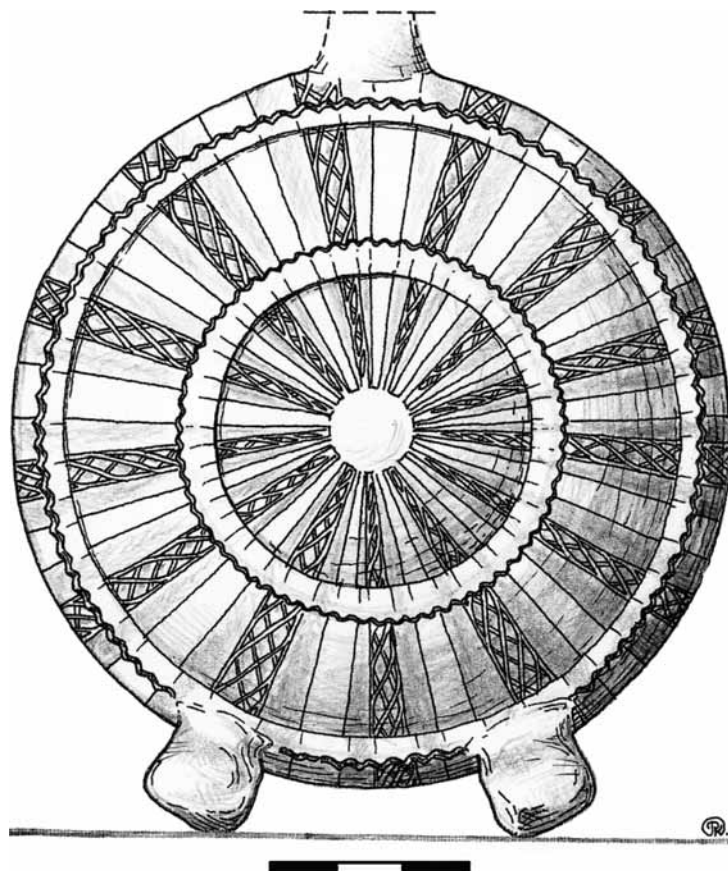

Рис. 8. Стеклоанный сосуд из кремля г. Дмитрова. Вид сбоку (графическая реконструкция). Рисунок Р. С. Казанцева

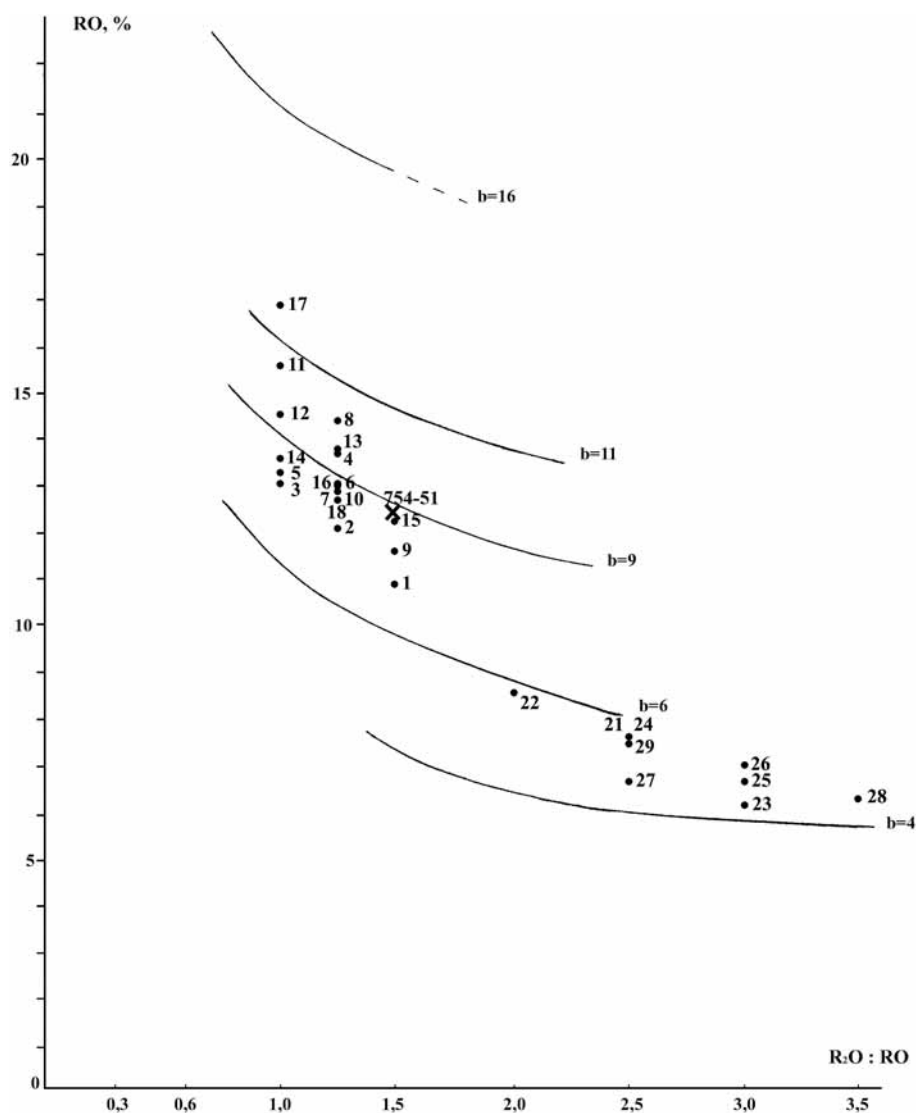

Рис. 9. Химический состав стекла сосуда из кремля г. Дмитрова (ан. 754–51 – отмечен крестиком) и венецианских стекол XVI–XVII вв. (по: Щапова Ю.Л. Из истории венецианского стеклоделия (археологический и производственно-технологический комментарий к сообщениям некоторых венецианских документов). Рукопись. Табл. 1)³

отдельными кольцами (Charleston, 1990. Р. 88–89; «Five Thousand...», 2004. Р. 171, 177. Ill. 219, 227). Кольца нужны были для отмеривания наливавшейся в сосуд жидкости, как правило, пива, поэтому они получили название *passglas* – мерный стакан («Археология Романова двора...», 2009. С. 143).

В XVII–XVIII вв. бочонки становятся одной из популярнейших форм европейской посуды. Их выполняли не только из стекла, но и из каменной массы («Немецкая керамика», 1984. № 50). Стекланные бочонки в это время производили и в России.

В конце XVII в. они были среди продукции Измайловского завода (Ашарина, 1998. С. 38. Глава 3. № 17), а в XVIII в. бочонки изготавливали на частных фабриках (Долгих, 1985. С. 206, 207. № 58–62). Помимо лент их украшают рифлеными же налестками круглой формы, расположенными по центру тулова, а некоторые расписывают полихромной эмалью. Ставят бочонки не только на четыре ножки, как у дмитровского сосуда, но и на прямоугольные или круглые подставки. Появление таких сосудов в России связано с приглашением мастеров из Западной

³ Пользуясь случаем, сердечно благодарим Ю.Л. Щапovu за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

Европы, называвшихся в России «виницейцами» (Долгих, 1985. С. 8). Некоторые из них были выходцами из Балтийского региона (Ашарина, 1998. С. 16), из Голландии или других северных областей Европы. Возможно, что к изготовлению стекла привлекались и мастера с Украины.

Таким образом, можно утверждать, что в сосуде из Дмитрова соединились две традиции изготовления стеклянных предметов: венецианская технология варки стекла и декорирования изделий филигранью и традиционная для центрального и северо-европейского стекольного производства форма сосудов с популярным способом их украшения накладными ребристыми поясками-бордюрами. Такое сочетание в это время было возможно в европейских мастерских, производивших изделия в венецианском стиле – *à la façon de Venise*. Первые такие мастерские возникли в Европе в первой половине XVI в. В частности, в 1534 г. была основана мастерская в городе Халль-ин-Тироль, находящемся недалеко от Инсбрука (Австрия). Работали там итальянские мастера из Венеции и Альтаре (Лигурия) (Polak, 1975. Р. 71). Позднее были основаны мастерские в самом Инсбруке и в Вене (1553), Мюнхене (1584), Касселе (1583), Праге, Стокгольме, Антверпене (1558), Льеже (1638), Невере, Орлеане, Копенгагене и Лондоне (1549) (Polak, 1975. Р. 71–75). В них итальянские мастера работали постоянно или периодически, на условиях сезонной работы (Polak, 1975. Р. 70). Они привозили с собой необходимые им сырьевые материалы и производили чисто венецианскую продукцию, такую как кубки, чаши, высокие флейты на сложных ножках (Charleston, 1990. Р. 96–99). Именно поэтому ее практически невозможно отличить от предметов, выполненных в самой Венеции.

Однако часть вещей отражала местный характер и приобретала смешанные черты. Например, традиционно немецкие формы: большие кубки (*Humpen*) и шуточные сосуды сложных форм (*Scherzgläser*) в виде шляп, туфель и прочего украшали венецианской росписью, гравировкой или филигранью (Polak, 1975. Р. 72). К таким сосудам сложных форм принадлежат и стеклянные бочонки. Помимо дмитровского нам известно еще несколько сосудов, в которых проявились европейские и венецианские традиции. Это бочонки XVII в. из Музея изобразительных искусств в Дюссельдорфе, происходящий из французского региона Овернь (рис. 10). Сосуд украшен рифлеными поясками и бугристыми накладками круглой формы. К чертам, характеризующим венецианскую школу, по нашему мнению, можно отнести

накладные нити, превращенные с помощью расчесывания в фестоны. Предметы, декорированные фестонами, правда, белого цвета, расположенными по спирали, хорошо известны среди венецианских изделий конца XVI–XVII в. (Dorigato, 2006. Р. 38–39, 48–49. No 31, 40). Еще один пример из Музея стекла в Корнинге также относится к французским мастерским XVII в. Он, как и предыдущий, украшен круглыми бугристыми накладками, а венецианские черты проявляются в беспорядочно расположенных разноцветных пятнах разных форм. Такие же пятна встречаются на сосудах XVII в., выполненных в Венеции (Dorigato, 2006. Р. 47–48. No 39). Довольно близкую аналогию нашему сосуду представляет еще один французский образец начала XVIII в. с рифлеными поддонами, декорированный венецианской филигранью белого, желтого и красно-коричневого цветов.

Однако постепенно итальянские мастера, особенно те, кто работал в европейских мастерских постоянно, переходил на местное сырье – золу, содержащую окись калия. Именно из такого стекла изготовлены одни из наиболее популярных сосудов этого стиля в России XVII в. – граненые бутылки (штофы), украшенные филигранью из белого или цветного стекла (Векслер, Лухтер, 1997. С. 56; 2001. С. 368).

Где же был изготовлен сосуд, оказавшийся в начале XVII в. в Дмитрове? Мы склоняемся к версии о его нидерландском происхождении. На это, как нам кажется, указывает скромное, но контрастное сочетание белого цвета декора и бесцветной основы сосуда, что довольно часто встречается среди нидерландской продукции XVII в. В отличие от нее, французские изделия отличаются полихромией, а среди предметов стиля *façon de Venise* из немецкоязычных стран бочонки нам неизвестны. Исходя из датировки дмитровского сосуда по археологическому контексту, можно предполагать его изготовление во второй половине XVI столетия, не позднее рубежа XVI–XVII вв. В это время на территории Нидерландов известна мастерская в Антверпене, возникшая в 1558 г. и существовавшая вплоть до конца XVII в. (Polak, 1975. Р. 74, 75). С 1581 г. производство стекла началось в Мидделбурге, а с 1597 г. – в Амстердаме.

Осталось прояснить вопрос, для чего использовался данный сосуд. Можно выделить две версии, существующие в литературе. В рамках одной из них высказывается предположение о декоративности таких форм в связи с их необычностью. Другая считает несомненным его использование в качестве тарного сосуда, то есть емкости

Рис. 10. Стекланный бочонок. Франция, XVII в. (по: *Ricke*, 1989. Abb. 119). (См. цв. вкл.)

для хранения. Что же могло храниться в таком бочонке? Необычность его формы позволяет предположить хранение необычной продукции, то есть непивной. Считается, что в эпоху Средневековья сосуды сложных форм в виде реальных или фантастических животных, предметов, архитектурных сооружений и прочего служили для хранения алхимических веществ. Возможно, в них могли хранить лекарственные вещества или яды – на это косвенно указывает сосуд с филигранью в виде василиска из Музея стекла в Корнинге. Василиск, как считалось, обладал ядовитыми клыками, когтями и дыханием и, кроме того, подобно медузе Горгоне, был способен убить одним лишь своим взглядом. Эту версию также поддерживает находка бочонка на территории больницы в Гейдельберге. По мнению авторов публикации, этот сосуд представлял собой ценную собственность пациента больницы («Vor dem grossen Brand...», 1992. P. 97).

В XIX веке, по мнению украинских исследователей, сосуды сложных форм, в том числе и бо-

чонки, использовали для хранения технических веществ и различных химикатов, в том числе смазочного масла для швейных машинок, спиртовых лаков, олифы, красок. Например, жидкость для смягчения кожи хранилась в сосуде в виде башмака, а бочонок использовался для содержания чернил (*Тараненко*, 2010. Рис. 8, 9).

Каким путем рассмотренный нами бочонок оказался в Дмитрове в начале XVII в.? Вероятно, можно отказаться от версии его поступления в результате торговли. Скорее всего, он попал в Дмитров в ходе событий Смутного времени и, по-видимому, был связан с польско-литовскими войсками, находившимися на территории кремля г. Дмитрова. По документальным источникам известно, что 6 февраля 1610 г. после неудачной осады Троицкого монастыря Я.П. Сапега со своими отрядами отступил к Дмитрову, и вследствие атаки Скопина-Шуйского на дмитровский посад ему с остатками войска пришлось затвориться в кремле. 23 февраля того же года в Дмитров прибыла Марина Мнишек, но пробыла там недолго, так как

Скопин-Шуйский начал осаду кремля. Я. П. Сапеге, не имеющему никакой поддержки, ничего не оставалось, как удалиться. Перед уходом он разбил орудия и поджег кремль («Дневник событий...», 1872. С. 164–166). О присутствии западных интервентов в той же части кремля, где был

обнаружен стеклянный бочонок, свидетельствует помимо солида Сигизмунда III литовский полу-грош 1565 г., найденный в том же раскопе 17 рядом с ямой 3, а также вещи из близлежащих раскопов, в частности католический бронзовый образок (раскоп 4) и печать польского шляхтича (раскоп 1).

Литература

Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX вв. М., 2009. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12).

Ашарина Н. А., 1998. Русское стекло XVII – начала XX века. М.

Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., 1997. Поздне-средневековое стекло из раскопок последних лет в Москве // Славянский средневековый город. Тр. VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2. М.

Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., 2001. Об одном типе стеклянных находок из культурного слоя Москвы // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск.

Долгих Е. В., 1985. Русское стекло XVIII века. Собрание Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века». М.

Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.), известный под именем истории ложного Дмитрия // РИБ. Т. I. СПб., 1872.

Лихтер Ю. А., 2000. Технология изготовления поздне-средневековой стеклянной посуды // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. 3. Материалы научно-практического семинара «Проблемы археологии и истории Москвы и Подмосковья». М. (Тр. МИГМ. Вып. 10).

Немецкая керамика. Л., 1984.

Столярова Е. К., 2003. Предметы из стекла из раскопок Дмитровского кремля 2002 года // Энгватова А. В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Дмитрове Московской области в 2002 г. Т. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23327.

Тараненко С., 2010. Скляна тара як датуючий матеріал в археологічних комплексах XVIII – початку XX ст. // Болховітіновський щорічник 2009. Київ.

Энгватова А. В., Гончарова Н. Н., 2002. Предварительные результаты исследования средневекового могильника на территории кремля г. Дмитрова // Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 1. М.

Dorigato A., 2006. The Glass Museum. Venice.

Five Thousand Years of Glass. Philadelphia, 2004.

Mariacher G., 1970. Glass from Antiquity to the Renaissance. L.; NY; Sydney; Toronto.

Charleston R. J., 1990. Masterpieces of Glass. A World History from the Corning Museum of Glass. NY.

Polak A., 1975. Glass: its tradition and its makers. NY.

Ricke H., 1989. Die Glassammlung des Kunstmuseums Duesseldorf mit Sammlung Hentrich. Duesseldorf.

Vor dem grossen Brand: Archäologie zu Füssen des Heidelberger Schlosses. Stuttgart, 1992.

Е. К. Stolyarova, К. И. Panchenko

Glass vessel of the 17th century à la façon de Venise from the Dmitrov kremlin

Summary

The paper deals with the study of glass fragments with Venetian filigree which were probably parts of the vessel in the form of barrel with four legs. The fragments were discovered in 2002 in the kremlin of Dmitrov (Moscow region) in the excavation area 17 in pit 3 in the layer dated to the early 17th century by the researchers of the Rescue Excavations Department of

the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Venetian filigree and chemical composition of this glass point to the Venetian origin of this piece. But barrel form and decoration of ribbed bands suggest its production in European glassworkshops possibly in the Low Countries, that produced glassware in Venetian style (à la façon de Venise).